

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ И ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ДИСКУРС»*

М.Н. Федулова

Кафедра английского языка (второго)
Факультет иностранных языков
Военный университет МО
ул. Б. Садовая, 14, Москва, Россия, 105062

Статья посвящена изучению дискурса с позиций лингвистического подхода, в рамках которого дискурс можно рассматривать как совокупность текстов, как высказывание, как слово в его культурно-историческом опыте. Основу трех подходов составляет взаимодействие рационального и иррационального в языковой деятельности. Автор утверждает, что иррациональная сторона языка может именоваться термином «дискурс». Однако иррациональный фактор интересует лингвистику не сам по себе, а во взаимодействии с фактором рациональным (рациональными функциями языка). В условиях такого взаимодействия во всей полноте раскрываются языковые и текстовые процессы.

Ключевые слова: дискурс, жанр, юридический дискурс, речевой акт, языковая картина мира, концепт.

Категория «дискурс» относится к особому роду научных терминов, которые Ю.М. Лотман называет знаками эвристического пространства науки. Ю.М. Лотман говорит о парадоксальной роли таких терминов в науке: с одной стороны, «лавинообразный рост их частотности в научных текстах сопровождается утратой необходимой однозначности», с другой стороны, «они сигнализируют актуальность проблемы, указывают на область, в которой рождаются новые научные идеи» [8. С. 3]. По мнению М.Л. Макарова, «смена парадигм основывается на принятии принципиально новой онтологии социально-психологического, человеческого *гуманитарного* мира, противопоставляемой традиционной онтологии материального *физического* мира» [9. С. 16].

Говоря о природе общеязыкового дискурса, нельзя не вспомнить сосюрровский термин «langage». В дискурсивном подходе «langage» берется континуально, в его общественно-историческом становлении, дополняется критерием речевого, общественного и исторического становления, сравните: «Поскольку язык есть социальный институт, можно а priori сказать, что он регулируется нормами, аналогичными тем, которые действуют в коллективах. Как известно, всякий социальный закон обладает двумя основными признаками: он императивен и он общ; он навязывается, и он простирается на все случаи, разумеется, в определенных границах времени и места» [13. С. 96—97].

В контексте лингвистического изучения дискурса можно рассматривать: 1) как совокупность текстов в их предметно-тематической и концептуальной взаимосвязи

* Рец.: проф. Н.В. Иванов (МГИМО (У) МИД РФ); проф. В.Н. Денисенко (РУДН).

зи; 2) высказывание, текст-высказывание; 3) слово в его смысловом культурном опыте (кумулятивный опыт слова). Дискурс обладает вполне четкими параметрами смыслового развертывания, соотносимыми с параметрами высказывания, что в историческом опыте фиксируется как последовательность связанных текстовых выражений. Но у дискурса довольно расплывчатые парадигматические параметры, которые должны были бы характеризовать структуру дискурса. Как известно, системное качество объекта определяется его структурой и способностью последней к варьированию.

Линейные параметры общезыкового дискурса определяются временем, тематической динамикой, экспрессией. Парадигматический параметр дискурса составляет его концептосферу, где формируется то, что может быть названо его внутренней структурой. Если линейные параметры дискурса в силу их материальности определяются относительно четко, то парадигматические параметры, принадлежащие концептосфере, лишены материальной определенности, но именно они образуют пространство содержательного развития дискурса. Внутреннюю парадигматику дискурса, прежде всего, образуют предметно-тематические параметры — понятно, с учетом их понятийного осмысления. Впрочем, сюда же могут подключаться прагматические, аксиологические, а также жанрово-стилистические параметры, которые обуславливают прагматику и эстетику всякого текста. Эти же параметры могут служить основой типологизации дискурса.

В монографическом исследовании А.В. Олянича «Презентационная теория дискурса» (2007) предпринимается попытка обосновать типологию дискурса на основе прагматических классификаций потребностей, что позволяет установить прямую зависимость между ними [10. С. 57]. По существу, такой подход приводит автора к выделению многочисленных дискурсивных типов, соответствующих сферам деятельности человека, которые создаются им для удовлетворения различных потребностей.

А.А. Кибрик полагает, что для понимания разнообразия дискурса «необходимо учитывать не менее четырех параметров — модус, жанр, функциональный стиль и формальность. Все они независимы друг от друга и дают невероятно сложную комбинаторику различных возможностей» [4. С. 16]. Исследователя занимает лингвостилистический анализ дискурса; его основные задачи — выделение регистров общения, разграничение устной и письменной речи, описание жанровых разновидностей речи, лингвистическая характеристика функциональных стилей и связанное с ней определение функциональных параметров общения.

Объектом нашего изучения является юридический дискурс. С лингвистической точки зрения юридический дискурс представляет собой совокупность устойчиво воспроизводимых и сиюминутных актов общения, которые характеризуются различными признаками: процессы порождения и восприятия речи могут быть одномоментными или осуществляться в различные промежутки времени (то есть восприятие может быть дистанцированным от порождения во времени и пространстве). Канал передачи информации в этом случае может быть различным, как устным, так и письменным, что для данного типа дискурса не является

принципиально важным. Мы можем лишь констатировать, что в сфере научной деятельности (частично к ней относится и юридическая деятельность) основной является письменная форма передачи информации, она является первичной по отношению к устной форме, так как основные пропозиции любого научного текста складываются вначале в письменной форме и лишь потом «озвучиваются», например, в форме научных докладов и сообщений. Поэтому письменный текст обладает большей значимостью, большим статусом, что во многом и определило стилистические нормы научного дискурса.

Помимо содержательных и структурных характеристик дискурс имеет жанровое измерение. **Жанровые характеристики** дискурса могут быть представлены в форме определенной парадигмы признаков:

- 1) интенция, позволяющая противопоставлять четыре типа речевых жанров (информативные, императивные, этикетные, оценочные);
- 2) характеристики автора;
- 3) характеристики адресата;
- 4) характеристика ситуации;
- 5) характеристика предполагаемых ожиданий от участия в коммуникации;
- 6) событийное содержание (набор пропозиций);
- 7) языковое воплощение речевого жанра [15. С. 91—97].

В каждой сфере деятельности присутствует свой особенный репертуар жанровых форм, изменяющийся вместе с развитием данной сферы деятельности.

Как известно, общие основы современной теории речевых жанров были разработаны М.М. Бахтиным, в концепции которого речевой жанр — это устойчивый с точки зрения темы, композиции и стиля тип высказывания. Ученый противопоставлял первичные жанры, то есть жанры устной разговорной речи, образовавшиеся в условиях непосредственного речевого общения, и вторичные жанры, появившиеся в рамках художественного, научного, публицистического повествования и других сложных форм общения [1. С. 161—162].

Рассматривая юридический дискурс, мы отвлекаемся от исторического аспекта проблемы. В качестве первичного жанрового опыта мы принимаем письменную форму текста — прежде всего в силу ее устойчивости, воспроизводимости, ее определяющего влияния на концептуальную сферу дискурса.

Собственную классификацию жанров предлагает М.Ю. Федосюк, который противопоставляет «элементарные» и «комплексные жанры»: «В этом случае под элементарными речевыми жанрами следовало бы понимать такие тематические, композиционные и стилистические типы текстов, в составе которых отсутствуют компоненты, которые, в свою очередь, могут быть квалифицированы как тексты определенных жанров... Комплексными же речевыми жанрами надо было бы считать типы текстов, состоящие из компонентов, каждый из которых, в свою очередь, обладает относительной завершенностью и представляет собой текст определенного жанра» [14. С. 104].

Данная классификация, как видим, не перекликается с работами М.М. Бахтина, так как комплексные жанры вряд ли можно отождествить со вторичными. Оче-

видно, М.Ю. Федосюк соотносит элементарные речевые жанры с речевым актом, а комплексные — с совокупностью речевых актов.

Этот же критерий (соположенность с отдельным речевым актом) представлен и в исследованиях К.Ф. Седова, который выделяет субжанр как жанровую форму, представляющую собой одноактное высказывание. Субжанр, как правило, состоит из одного сверхфразового единства, а его основным свойством является способность выступать в роли элемента гипержанра.

Гипержанром, или гипержанровой формой, исследователь называет такие формы речи, которые соответствуют определенным коммуникативным ситуациям и объединяют в своем составе несколько жанров. Помимо субжанра и гипержанра, ученый выделяет еще и такую речевую форму, как жанроид — жанровое образование, которое располагается в межжанровом пространстве [11. С. 3—36].

Жанр, жанровая установка обладает текстогенной функцией: «Мы научаемся отливать нашу речь в жанровые формы, и, слыша чужую речь, мы уже с первых слов угадываем ее жанр, предугадываем определенный объем (то есть приблизительную длину речевого целого), определяем композиционное построение, предвидим конец, то есть с самого начала мы обладаем ощущением речевого целого, которое затем только дифференцируется в процессе речи» [1. С. 181], как писал М.М. Бахтин о значении речевых жанров в общении, в формировании, сохранении и развитии культуры, в существовании различных видов дискурса. Ученый не раз подчеркивал, что «жанры соответствуют типическим ситуациям речевого общения, типическим темам, следовательно, и некоторым типическим контактам значений слов с конкретной реальной действительностью при типических обстоятельствах» [1. С. 191].

Современные исследователи указывают на непосредственную связь жанров с различными формами национально специфичного дискурса, которые находят свое отражение в когнитивной базе индивидуума: «...они присутствуют в сознании языковой личности в виде готовых сценариев, фреймов, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово» [12. С. 41]. Такие утверждения позволяют говорить о дискурсивной компетенции языковой личности, т.е. ее умении распознавать различные жанровые формы и продуцировать высказывания в рамках необходимых жанровых форм.

Речевые жанры, как отмечал М.М. Бахтин, являются первичной формой существования языка: «...формы языка и типические формы высказывания, то есть речевые жанры, приходят в наш опыт и в наше сознание вместе и в тесной связи друг с другом» [1. С. 181]. Однако вряд ли следует приравнивать понятие юридического жанра к понятию речевого жанра. Понятие «жанра» обычно связывается со стилем, определяя некоторый порядок материальной реализации стиля. Единство стилиевых и жанровых характеристик определяют термином «функциональный тип речи» [5].

Многие ученые, занимающиеся исследованием речи в рамках теории речевых актов, воспринимают речевые жанры как аналоги речевых действий [3; 14]. Важное отличие речевого жанра от речевого акта было сформулировано Т.В. Шме-

левой: «...теория речевых актов обращена к сфере действий, тогда как учение о речевых жанрах — к сфере текстов, высказываний как результатов действий» [16. С. 21]. В свою очередь, М.Ю. Федосюк предлагает считать речевые жанры устойчивыми тематическими, композиционными и стилистическими типами не высказываний, а текстов [14. С. 104].

Категория дискурса шире критериев жанрово-стилевой типологии речи, поскольку в значительной мере опирается на аксиологический и предметно-понятийный компоненты. Помимо этого категория дискурса предполагает также наличие процессуально-деятельностного компонента. Последний не вполне укладывается в характеристику речевого жанра.

Подобную расширительную трактовку речевого жанра предлагает К.Ф. Седов [12. С. 41]. Напротив, Т.В. Шмелева разграничивает две эти категории. Разграничивая их, мы, тем не менее, не считаем возможным уходить от дальнейшей характеристики категории речевого жанра, в частности, в том, что касается потенциала его деятельностных характеристик [15].

В записях к «Проблеме речевых жанров» М.М. Бахтин вполне определенно выражает свое мнение о двойственности, диалогичности жанра: «Отношение к собеседнику и его речи — определяющий момент речи в диалоге, вне которого нельзя понять реплики. Но этот момент *implicite* присутствует во всякой речи, поскольку всякая речь предполагает слушателя, обращена к нему» [1. С. 216].

Следовательно, образ автора и образ адресата вместе с четырьмя другими признаками: коммуникативная цель, событийное содержание, фактор коммуникативного прошлого и коммуникативного будущего, а также формальная организация, составили самую известную на сегодняшний день модель речевого жанра [15; 16].

Однако нельзя принимать эту модель безоговорочно для любого речевого произведения. Действительно, при исследовании научных жанров мы сталкиваемся с институциональными (типизированными) автором и адресантом, которые представляют собой определенные социальные роли.

Но не следует забывать и об индивидуальной, уникальной составляющей каждого текста, каждого речевого произведения, а также и об особенностях восприятия, которое не только всякий раз индивидуально, но и уникально, так как на реципиента влияют и обстоятельства речевого акта. Вследствие этого мы полагаем, что диалогичность жанра как способность представлять интересы автора и адресанта есть то его свойство, которое каждый раз определяет уникальность, особый характер речевого произведения какого-либо жанра.

М.М. Бахтин утверждал: «Каждый речевой жанр в каждой области речевого общения имеет свою определяющую его как жанр типическую концепцию адресата» [1. С. 200], а Т.В. Шмелева включила в состав жанрообразующих признаков «фактор прошлого» и «фактор будущего», т.е. «события общения, предшествующие данному речевому жанру» (коммуникативное прошлое) [15. С. 89], и «воздействие на чувства, мысли или действия аудитории, говорящего или других лиц» [Там же]. Именно эти свойства, на наш взгляд, определяют включенность каждого жанра в определенный дискурс.

Всякий текст внутренне, имплицитно диалогичен. Апелляция к дискурсу в предметно-ассоциативном и/или жанрово выразительном аспектах является одной из важнейших составляющих коммуникативного воздействия отправителя речевого высказывания на адресата. По сути, такого рода апелляция представляет собой обращение к смысловому опыту языка в любой сфере его функционального применения. Отметим: такого рода апелляция образует иррациональную сторону коммуникативного воздействия в диалоге, которую говорящий «призывает» (evoke) по умолчанию. Иррациональная сторона коммуникативного воздействия тесно связана с рациональной, опирающейся на референцию и прагматику речевого акта. В градации такого рода важно учитывать также ситуационный фактор.

Социальные нормы юридического дискурса довольно жестко регламентированы по таким параметрам, как участники общения, тип ситуации общения. При описании жанров речи исследователи разграничивают ситуации передачи информации между абсолютно равными по статусу и знаниям коммуникантами — это симметричная коммуникация, характеризующая деловую и публичную сферу обмена информацией, и ситуации, свойственные учебной образовательной деятельности, пропаганде права. Параметр учета предполагаемого адресата реализуется в иной форме презентации информации. Однако наиболее часто в юридическом дискурсе возникает асимметричная коммуникация, в которой обменивающиеся информацией партнеры не равны по статусу и обладают различными правами. Например, особенно ярко это проявляется в судебном дискурсе, где доминирует один из участников общения.

Присущее юридическому дискурсу неравенство ролей отмечают многие исследователи. Так, американская исследовательница В.М. Хензл считает, что социальное, языковое и культурное неравенство участников судебного процесса может привести к непониманию или «коммуникативным стычкам», основанным на различии в знаниях технического языка, процедурных требований и правовых понятий [17. С. 141]. Профессиональные и непрофессиональные участники, даже используя один язык, говорят на разных языках. Неравенство статусов в зале суда закреплено институционально, при этом обладателем самого высокого статуса является судья, владеющий как специальными знаниями, так и властью.

Статусное положение участников дискурса находит выражение в их речевом поведении: «Речевое поведение как совокупность речевых поступков, с внутриязыковой стороны определяемое закономерностями употребления языка в речи, а с внеязыковой — социально-психологическими условиями осуществления языковой деятельности» [2. С. 12].

В таком понимании речевое поведение связывает воедино конкретные языковые средства, социальные условия и психологические характеристики говорящего. Использование термина «поведение» отвечает задачам нашего исследования, поскольку в нем отражена способность говорящего поведенчески адаптироваться к изменяющейся ситуации.

Другим важным критерием разграничения жанров в проекции их дискурсивного рассмотрения является собственно содержание речевого высказывания, так

как оно часто носит принципиально различный характер. Можно различать следующие содержательные типы информации: информация о ментальных и экспериментальных действиях и их результатах; реакция на коммуникативную деятельность другого лица или других лиц; реконструкция определенного фрагмента картины мира. Во всех случаях говорящий меняет речевую стратегию, по-разному выстраивает и организует содержание сообщения.

И содержание сообщения, и ориентация на определенный тип адресата и другие, скрытые факторы, прежде всего субъективного характера, воздействуют на выстраивание образов говорящего и слушающего, влияющих на построение структуры текста. Можно выделить различные способы их презентации от максимально объективированного, типизированного участника типовой ситуации научной сферы общения до максимально индивидуализированного, открытого, актуализированного в ткани сообщения творца. Такого рода компоненты, обычно стереотипизируемые в юридической сфере речевого общения, также относятся нами к иррациональным факторам, определяющим характер воздействия, регламентирующим то, что называется дискурсивной спецификой текста.

Язык юридического дискурса представляет собой один из наиболее своеобразных коммуникативных кодов, традиционно используемых в институциональной среде. Его особенность выражается в широком использовании понятийно-смысловых языковых средств (терминов), клише и фразеологических выражений, устойчивых оборотов (клише), отсутствием (и даже целенаправленным вымещением) экспрессивных средств, сложностью синтаксических структур, устойчивым использованием ограниченного спектра жанрово-стилистических средств, низкой контекстуальностью.

Однозначность, константность использования, экспрессивная нейтральность — эти и другие качества юридической терминологии, во-первых, позволяют провести непосредственные аналогии с научными терминами и, во-вторых, позволяют закрепить за объектами дискурса определенные толкования и представления, избегая, таким образом, нежелательных интерпретаций и строго обозначая область, содержание и характер действия права.

Языковой компонент образует рациональную сторону содержательного пространства текста, является основой всякой текстовой рациональности.

Ключевым термином, совокупным образом обозначающим область или результат, опирающейся на языковой фактор рациональной деятельности текста, может служить понятие «языковой картины мира». В пространстве языковой картины мира обнаруживают себя все виды иррациональных влияний, определяющих семантику текста. Здесь мы видим наиболее характерный и показательный для языка результат столкновения иррациональных и рациональных факторов в тексте. Через языковую обнаруживает себя специфика дискурсивных параметров языка.

Неразрывная связь дискурса с концептуальным миром заставляет нас обратиться к отдельным исследованиям, обращенным к анализу и описанию этого понятия. В монографии доктора культурологии О.А. Корнилова «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» (2003), посвященной опи-

санию множественности картины мира, предлагается использовать для изучения данного объекта несколько терминов [6].

В качестве базового ученый предлагает принять понятие «языковая картина мира» как научный термин, но при этом автор предлагает сопоставление национальных «точек зрения на мир» с неким инвариантом научного знания, таким образом, в работе ученого появляется термин «научная картина мира».

Далее О.А. Корнилов предлагает разграничивать понятия «научная картина мира», «национальная научная картина мира» и «языковая картина мира национального языка». Ученый утверждает необходимость уточнения общего понятия путем постановки перед ним дополнительного определения — «научная», «историческая», «лингвистическая» и т.д. картина мира. Например, применительно к современному языкознанию картина мира должна представлять собой тем или иным образом оформленную систематизацию плана содержания языка, знаний человека о языке, накопленных к определенному периоду времени [Там же].

Любой общественный институт соотносится с определенной картиной мира, которую всегда можно представить как совокупность концептов и фреймов, или сложный фрейм, включающий и людей, занятых определенной деятельностью, и их взаимоотношения, и общественные ритуалы, поведенческие стереотипы, мифологемы, а также характерные для этого института ментальные образования. Наибольшей силой в данном фреймовом образовании обладают генерализованные концепты, вокруг которых концентрируется та смысловая область (= фрагмент картины мира), для описания которой необходим объемный тезаурус [7].

Очевидно, что большинство из концептуальных факторов, указываемых О.А. Корниловым, являются видами иррационального влияния — различными типами предзаданных культурных установок, предпосылок, определяющих содержательное построение текста.

Языковые единицы и средства юридического дискурса образуют в своем роде герметичную систему, не всегда имеющую аналоги, например, «иск», «презумпция», «правореализация», или имеющую «ложные аналоги» в обыденном языке, например, «государство», «свидетель», «риск».

Это обстоятельство не просто затрудняет понимание «языка права» «наивным» реципиентом. Язык юридического дискурса занимает доминантную позицию по отношению к языку бытового дискурса: только институционально закрепленная трактовка юридических терминов представляется правильной, в то время как обыденная интерпретация априори номинируется как неверная. Тем не менее, объем понятий, выражаемых юридическими терминами, имеет отношение к некоторой реальности, которую воспринимают и описывают как юристы-специалисты, обладающие знаниями верной (то есть легитимной и приемлемой в рамках определенной юридической культуры) интерпретации терминов, так и неспециалисты, «пользователи» юридических текстов. Язык юридического дискурса фиксирует своего рода примат юридической над обыденной картиной мира, а это непосредственно характеризует ориентацию юридического дискурса на реализацию цели нормирования общественных отношений. Языковая система юридического дискурса

выражает некоторый идеал общественного устройства и общественных отношений, в соответствии с которым реализуются дискурсные стратегии конструирования и реконструирования социальной реальности.

Подобную функциональную доминантность юридическому дискурсу обеспечивает его внутренняя концептуальная сфера, получающая метаязыковой статус. Именно она определяет формирование юридического понимания тех или иных ситуаций, одним словом, — «юридической картины мира» во всей совокупности требующихся для этого осмыслений и жанровых выразительных реализаций. Метаязык права определяет основные особенности выразительной и содержательной реализации специфики юридического текста.

В целом, полагаем, обращение к понятию «дискурс» в лингвистике знаменует собой обоснование новой парадигмы в развитии языкознания. В проблематику предмета языкознания входит сложная область взаимодействия рационального и иррационального в языковой деятельности, возникает новый сложный комплекс оппозиций между аспектами рационального и иррационального в языке. Совокупным образом иррациональная сторона языка может по большей части именоваться термином «дискурс», который вбирает в себя представления об иррациональной стихии языка, в которой утрачивают свое значение и свой статус все языковые рациональности (статус значений, лексических значений, текстовые формы).

Однако иррациональный фактор интересует лингвистику не сам по себе, а как осуществление его взаимодействия с фактором рациональным, в рамках которого возникают языковые и текстовые механизмы реализации дискурса, осуществляется проникновение системного в несистемное. Этим взаимодействием питается и усиливается язык. При этом речь идет не о том, что системное начало одерживает окончательную победу над несистемным. Проекция системного в несистемное усиливает энтропию (неопределенность) языка, т.е. умножает совокупность несистемных взаимодействий в пространстве дискурса. Каждое из начал усиливается и умножается за счет другого. В этом состоит взаимоподдерживающая диалектика двух начал, в этом процессе растет глубина дискурсивной ассоциации. Дискурс — это совокупность ассоциаций в пространстве растущего языкового опыта. Развитие, усиление и умножение определенности усиливает неопределенность в масштабе дискурсивных ассоциаций.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бахтин М.М. Из архивных записей к работе «Проблемы речевых жанров» // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. — М.: Русские словари, 1996. — С. 207—286.
- [2] Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. — М.: КомКнига, 2005.
- [3] Дементьев В.В. Фатические и информативные жанры непрямой коммуникации // Культурно-речевая ситуация в современной России. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. — С.167—186.
- [4] Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. — 2008. URL: www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/people/kibrik-aa/files/D

- [5] *Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В.* Функциональные типы русской речи [Учебное пособие для филол. специальностей университетов]. — М.: Высшая школа, 1982.
- [6] *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: Монография. — М.: ЧеРо, 2003.
- [7] *Лакофф Дж.* Когнитивное моделирование // *Язык и интеллект. Сб. статей.* — М.: Прогресс, 1996. — С. 143—184.
- [8] *Лотман Ю.М.* Текст в тексте // *Учен. зап. Тарт. гос. ун-та.* — Тарту, 1981. — Вып. 567. — С. 3—18.
- [9] *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. — М.: Гнозис, 2003.
- [10] *Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса: монография. — М.: Гнозис, 2007.
- [11] *Седов К.Ф.* Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистические аспекты. — Саратов: Изд-во СГУ, 1999.
- [12] *Седов К.Ф.* Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // *Жанры речи.* — Саратов: Изд-во Гос. УНЦ «Колледж», 2002. — С. 40—51.
- [13] *Соссюр Фердинанд де.* Курс общей лингвистики: Пер. с фр. / Под ред. и с примеч. Р.И. Шор. Изд. 4-е. (Лингвистическое наследие XX века). — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- [14] *Федосюк М.Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *Вопросы языкознания.* — 1997. — № 5. — С. 102—120.
- [15] *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // *Жанры речи.* — Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. — С. 88—98.
- [16] *Шмелева Т.В.* Грамматика высказывания: интегрирующий подход // *Системные семантические связи языковых единиц.* — М., 1992. — С. 18—27.
- [17] *Henzl V.M.* Language in courts // *Dialoganalyse VI: Referate der 6. Arbeitstagung, Prague, 1996.* — Tuebingen: MaxNiemeyer, 1998. — Teil 2. — P. 141—147.

SUBJECT-THEMATIC AND GENRE ASPECTS OF LINGUISTIC DEFINITION OF DISCOURSE

M.N. Fedulova

English Language (2L) Department
Faculty of Foreign Languages
Military University

Bolshaya-Sadovaya str., 14, Moscow, Russia, 105062

The article is devoted to the study of discourse from a linguistic approach within which discourse may be considered either as a collection of texts, as a verbal expression or as a word the way it is used in a particular culture throughout the history. The interaction between rational and irrational nature of language serves as a basis for these three approaches. The author states that the irrational part of language may be named with the term “discourse”. However, the irrational factor in linguistics matters only when it corresponds with the rational factor (rational functions of language). As such interaction occurs, linguistic and text processes tend to expose completely.

Key words: discourse, genre, legal discourse, act of speech, linguistic view of the world, concept.

REFERENCES

- [1] *Bakhtin M.M.* Iz arhivnykh zapisey k rabote "Problemy rechevykh zhanrov" // Bakhtin M.M. Sobraniye sochineniy. T. 5. — M.: Russkiye slovari, 1996. — S. 207—286.
- [2] *Vinokur T.G.* Govoryaschiy i slushayuschiy: Varinaty rechevogo povedeniya. — M.: KomKniga, 2005.
- [3] *Demytyev V.V.* Fatcheskiye i informativnye zhanry nepryamoy kommunikatsii // Kulturno-rechevaya situatsiya v sovremennoy Rossii. — Ekaterinburg: Izd-vo UrGu, 2000. — S. 167—186.
- [4] *Kibrik A.A.* Modus, zhanr i drugiye parametry klassifikatsii diskursov. — 2008. URL: www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/people/kibrik-aa/files/D.
- [5] *Kozhin A.N., Krylova O.A., Odintsov V.V.* Funktsionalnye tipy russkoy rechi // Uchebnoye posobiye dlya filol. specialnostey universitetov. — M.: Vysshaya shkola, 1982.
- [6] *Kornilov O.A.* Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacionalnykh mentalitetov: Monografiya. — M.: CheRo, 2003.
- [7] *Lakoff J.* Kognitivnoye modelirovaniye // Yazyk i intellekt. Sb.statey. — M.: Progress, 1996. — S. 143—184.
- [8] *Lotman Yu.M.* Tekst v tekste // Uchen. zap. Tart. gos. un-ta. — 1981. — Vyp. 567. — S. 3—18.
- [9] *Makarov M.L.* Osnovy teorii diskursa. — M.: Gnozis, 2003.
- [10] *Olyanich A.V.* Prezentatsionnaya teoriya diskursa: monografiya. — M.: Gnozis, 2007.
- [11] *Sedov K.F.* Stanovleniye diskursivnogo myshleniya yazykovoy lichnosti: Psikh- i sociolingvisticheskiye aspekty. — Saratov: Izd-vo SGU, 1999.
- [12] *Sedov K.F.* Psikholingvisticheskiye aspekty izucheniya rechevykh zhanrov // Zhanry rechi. — Saratov: Izd-vo Gos.UNC «Kолledzh», 2002.
- [13] *Saussure, Ferdinand de.* Kurs obschey lingvistiki: Per. s fr. / Pod red. i s primech. R.I. Shor. Izd. 4-e. (Lingvisticheskoye naslediyе XX veka) — M.: Knizhny dom «LIBROKOM», 2009.
- [14] *Fedosuk M.Yu.* Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov // Voprosy yazykoznaneya. — 1997. — № 5. — S. 102—120.
- [15] *Shmeleva T.V.* Model rechevogo zhanra // Zhanry rechi. — Saratov: Izd-vo GosUNC «Kолledzh», 1997. — S. 88—98.
- [16] *Shmeleva T.V.* Grammatika vyskazyvaniya: integriruyuschiy podhod // Sistemnye semanticheskiye svyazi yazykovykh edinits. — M., 1992. — S. 18—27.
- [17] *Henzl V.M.* Language in courts // Dialoganalyse VI: Referate der 6. Arbeitstagung, Prague, 1996. — Tuebingen: MaxNiemeyer, 1998. — Teil 2. — P. 141—147.